

ИДЕНТИЧНОСТЬ, НОРМА И ПРЕДЕЛЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ*

В.И. САМОХВАЛОВА

Онтологические основания и феноменологические проявления толерантности как явления

Достаточно очевидным является тот факт, что жизнь, в ее проявлениях и в ее непрерывности, может реально существовать и поддерживаться двумя противоположными, но едиными в своей цели тенденциями живого: стремлением сохранить себя (утвердив себя в своем бытии) и умением, в случае необходимости, изменить себя (чтобы приспособиться к изменениям мира, его новым состояниям и требованиям). Остаться самим собой, сохранить самотождественность — и, будучи адекватным изменяющемуся миру, изменять себя согласно требованиям экзистенциального контекста. Реальное развитие может осуществляться лишь на фоне наличия разных его вариантов, следовательно, возможности выбора наиболее адекватного «решения» из некоторого наличного «набора» разного. Именно само появление *разного* обеспечивает возможность актуального на всякий соответствующий момент выбора нужного, и реальность отклонения от шаблона, стандарта (выступающих своего рода «нормой») в условиях изменчивости и вероятностного характера развития есть условие продолжения и развития и самой жизни.

Иными словами, следует исходить из того, что механизмы порождения разного, а значит и само явление терпимости к разному, к различным видам отклонений от того, что выступает как норма, необходимо должны быть встроены в изначальные «коды» развития природы и в генетический аппарат человека как ее порождения. Человеческий род существует как совокупность следующих друг за другом поколений, имеющих внутреннее единство природы, специфики адаптации к среде и функционирования в ней. И, с

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Толерантность культуры и глобализация мира», грант № 06-03-00009а.

другой стороны, он сохраняется благодаря гибкости приспособления и умению адаптироваться в изменившихся условиях. Между этими двумя полюсами развивается и длится жизнь, в том числе человеческая.

Например, гений, рождаемый природой, в действительности — это некое иное в сравнении с обычной средней нормой человека; поэтому путь гения (как мы знаем) часто бывает либо чрезвычайно труден, либо весьма короток (Лермонтов, Галуа, Шопен и др.). Так называемая норма обеспечивает витальность вида, в то время как отклонения — даже в сторону гениальности как положительного превосходения нормы — потенциально опасны, ибо непредсказуемы по последствиям (наследственности) и неустойчивы по проявлениям, что может вызвать отклонения от «магистральной» линии существования человеческого вида и его естественного сохранения и развития. И мир существует, пока он нормален. И даже гениям, украшению человеческого рода и «ферментам» его развития, необходимым, чтобы придать массе нормальный динамизм и показать горизонты возможного, природа тем не менее отпустила определенный, весьма небольшой, процент в социуме. Отклонения от нормы даже в положительную сторону в неблагоприятный момент способны сообщить системе в целом неравновесность, неустойчивость.

Новое, разное возникает в силу объективной необходимости, выступая как результат действия и случайности, и процесса самоорганизации. Человек же, сам появившись в мире как новое бытие, способен сделать создание нового и разного содержанием своей сознательной и целенаправленной деятельности, концентрированным выражением чего является творчество. Можно предположить, что и у самого человека как такового в его генетической программе записана эта способность к сознательному и целенаправленному изменению своей среды, своей жизни и самого себя, беспокойное стремление к новому, поиску небывшего и вкус к его осуществлению.

Так к неизбежности взаимопараллельного существования разного в природе прибавляется непрестанно изменяющееся соотношение прежнего и возникающего нового в че-

ловеческой сознательной жизни. И естественное прежде течение процессов принятия нового, разного обогащается тем, что в жизни человека и человеческих сообществ возникает ситуация, когда становится возможно формирование позиции сознательного *отношения* к возникающему новому, которое в то же время есть иное и может быть разным. С известными поправками (на уровень и способ организации) и уточнениями, сказанное может быть отнесено к существованию практически любого явления в социальной и культурной жизни. Так, всякая цивилизация есть интегральный продукт взаимодействия различных сил. Если исчезает какой-то существенный элемент из этого взаимодействия, цивилизация меняет свою характеристику и свое качество. В то же время, сохраняя свое ядро, всякое культурное завоевание, тем не менее, не просто по-иному осмысливается в изменившемся культурном контексте, но и по-иному *существует* в нем, включаясь в новые смысловые и ценностные связи. Необходимость разнообразия для продолжения развития превращает факт существования разного в проблему отношения *между* разным, что становится весьма существенной стороной и важной проблемой для существования социума. Ныне проблема терпимости к иному, ее понимания и отношения к самому этому феномену становится широко и разносторонне обсуждаемой, а термин — одним из наиболее часто употребляемых и значимых по смысловой нагруженности.

Другой, по отношению к которому возможно занятие позиции толерантности, может быть другим по ментальности; по образу жизни; по социальному (или возрастному, профессиональному и т.п.) статусу; по происхождению; по этнической принадлежности, культуре; по мировоззрению; наконец, по онтологии (гипотетическая искусственная личность, пришельцы из Космоса или «просто» так называемая умная машина, созданная человеком, и рождающаяся в связи с этим новая компьютерная культура рядом с традиционной). Если аутентично понимаемая толерантность в данных случаях неизбежна, то существует и целый ряд ситуаций, когда она, понимаемая излишне расширительно, может оказаться неразборчивостью или беспринципностью, несущей определенную угрозу некоей общей сохранительной норме.

Разнообразие людей, культур, укладов жизни, их качественная специфика развиваются именно в результате взаимодействия с противоположностями, как утверждение именно своих характеристик. В результате полной, доведенной до логического завершения терпимости характеристики могут выравниваться. С исчезновением, например, социалистического уклада весьма изменился и капитализм, ибо прежде его лицо во многом определялось наличием «антипода» и необходимостью взаимодействия с ним. Разное, вплоть до противоположного, необходимо. Это поле, где создается упорядоченный рисунок линий, образующих и определяющих *идентичность*.

Действительно, человек как создание Божие наделен Им неповторимостью и имеет право на развитие собственной уникальности. При этом, как утверждает М. де Монтень в своих «Опытах», «два человека отличаются друг от друга больше, чем два животных разного вида», и потому содержание человеческой толерантности не может быть простым. Человеку необходимо прежде всего правильно определиться с собственной самоидентификацией в оппозициях «я» — «другой», «свой» — «чужой». Затем проанализировать реальные различия и оценить их как нейтральные или опасные (для его идентичности). В зависимости от вывода строить тактику отношений: остановиться на стадии безразличия (благожелательного или отстраненного); вступить в диалог (активный или по необходимости); занять оборонительную позицию (пассивной обороны или активной защиты своих принципов). Как видим, толерантность в полном смысле слова как безразличная терпимость к иному возможна — если имеются в виду сколь-нибудь активные субъекты — только как исключительный случай.

Если вспомнить историю появления в широком обороте термина «толерантность», то он восходит к латинскому слову *tolerantia* — терпение, терпеливость. При этом первоначально термин имел хождение как специализированный медицинский, будучи в 1953 г. введен медиком П. Медаваром для обозначения характеристики иммунного состояния организма, отсутствия или снижения его сопротивляемости в ответ на тот или иной антиген. Ныне в расширительном своем значении

толерантность понимается как способность (умение) канализировать возникающие у человека чувства недовольства, возмущения и т.п. в безопасное для объекта этих чувств русло.

Интересное определение толерантности в своей статье «Критика толерантности» дает Славой Жижек: это, по его мнению, абстрактная, безадресная и бессодержательная «любовь» к другому. (Добавим: другой может быть столь же абстрактным и безадресным.) Такая толерантность не слишком похожа на то упомянутое Монтенем «соприкосновение душ, не преследующее никаких выгод»¹, которое характерно для действительно добросердечных отношений, когда в них искренне *заинтересованы* обе стороны. Толерантность — это лишь как бы *фоновый* феномен, который сам по себе не содержателен, но в то же время составляет условия для ровного протекания социальных отношений, неизбежных в обществе, но не предполагающих углубления или развития (ненужных или нежелательных). Таким образом, толерантность может располагаться в довольно широком диапазоне от простого, наивного и бесхитростного равнодушия до тщательно и сознательно организованного и выстроенного лицемерия, преследующего те или иные конъюнктурные цели. Амбивалентность толерантности, позволяющая «добру и злу внимать равнодушно», может становиться способом размывания норм и ценностей, нередко во имя успеха, понимаемого на разных уровнях причинности, проявления и значения, но в любом случае в целях прагматических. В результате толерантность предстает в разных своих возможных обликах, когда она обращена просто к *другому* (всякому, безотносительно к тем или иным конкретным характеристикам), к *иному* (отличному по тем или иным качествам или характеристикам), к *новому* (отличному от имеющегося, возможно, непривычному или нежелательному); к *отступающему от нормы* (в особенности, если имеются в виду различного рода аномалии и перверсии).

Таким образом, в результате оказывается, что идея толерантности, и здесь можно повторить вслед за В.А. Лекторским, «которая выглядит очень простой, в действительности не столь проста»². Она связана с рядом *определений*, которые сами являются проблемными формулировками, и рядом *яв-*

лений, которые нуждаются в анализе и прояснении их сущности. Нетерпимость, конечно, нехороша и может стать опасна, однако хороша ли другая крайность, которая некоторым образом свидетельствует о неумении думать, об известной истеричности мышления? Ведь часто толерантность не существует одна, но в сопровождении готовности не просто терпеть, но некритично принять «иное». Та неразборчивая «любовь» к другому (по С. Жижеку) может тесно соседствовать с равнодушием к собственной идентичности, что не слишком понятно, ибо, действительно, «великое недомыслие — гасить свое собственное сияние, чтобы излучать свет, заимствованный извне»³. И если выше говорилось о том, что толерантность первоначально понималась как ослабление иммунитета организма, то способность к самоидентификации можно истолковать как наличие иммунитета на психо-культурном уровне, как способность распознавать «свое» и «чужое», противостоять чуждому чужому, если оно способно нанести ущерб качеству своего или заместить его в «организме».

Толерантность, которая часто определяется как культура согласия, как правило, имеет в виду согласие формальное, вежливо-равнодушное, не предполагающее углубления в суть проблемы. Согласие же «как серьезная проблема гражданского общества, — пишет А.С. Панарин, — выступает как раз в серьезных ситуациях: когда сторонам предстоит поступиться весьма значимыми интересами, когда согласие действительно требует взаимных жертв и нешуточных уступок в пользу *другого*. В этой ситуации мы как раз и замечаем, что субъекты нового либерального образца, прошедшие выучку в школе “последовательного индивидуализма”, качественно не способны к согласию. Они в таких ситуациях стихийно воспроизводят социал-дарвинистскую атмосферу, в которой “горе слабым”. Истина современного индивидуализма состоит не в консенсусе, а, напротив, в готовности вероломно нарушить консенсус, выйти из него, если он в самом деле обязывает к чему-то серьезному»⁴.

У толерантности в активно глобализирующемся мире появляются новые измерения более общего социального и политического характера, требующие нового уровня анализа. В отличие от собственно толерантности, согласие пред-

ставляет собою не внешнюю позицию, а внутреннюю установку на готовность понять другого, признать наличие у него собственных интересов, способность открыться для диалога, который представляется насущно необходимым. Когда уровень и содержание толерантности обусловлены интересами общенациональными, государственными и т.п., весьма естественно и толерантно воспринимаются и «гуманитарные» бомбардировки Белграда, и толерантная демонстрация записи средневековой казни С. Хуссейна, в то время как весьма нетолерантно — военная операция в Чечне, хотя в этом случае Россия действовала на своей собственной территории, защищая безопасность собственных границ, в отличие от США, вторгающихся на территорию суверенных государств, не имеющих вообще с США общей границы. Провозглашая терпимость, неолиберальная идеология на самом деле, когда это ей выгодно, требует войны, похода за свои убеждения, за свои права, выдаваемые за «права человека». Толерантность в области политики оказывается подвержена действию привычных двойных стандартов, определяющих «градус» и направление действия толерантности. Если мир уже поделен на первый, второй и третий мир — с *разными категориями* оценок подхода к ним, не будут ли рассуждения о присутствии толерантности на данном уровне простой данью политкорректности, призванной затушевать реальные проблемы, а сама толерантность — *управляемой* величиной?

Так, часто формирование толерантности как позиции почему-то увязывается и оправдывается профилактикой борьбы с экстремизмом. (Хотя вообще не ставится вопрос: почему невозможна позиция толерантности к самому экстремизму? Может быть, толерантность все-таки не является всеохватывающей, или же она выборочно охватывающая?) И был ли воистину толерантен Иисус Христос, когда бичом изгонял торгующих из Храма? Может быть, существует какая-то более высокая толерантность — к отстаиванию истины, которое может быть бескомпромиссным, к высокому смыслу Храма, который воплощает духовность и ее ценности, к истинно верующим, чьими правами и чувствами также нельзя пренебречь в пользу интересов тех, кто пришел в Храм не молиться, а торговать?

Подобным же образом сложно представить себе разворачивание и последовательное проведение принципа толерантности в науке, где поиск истины проходит через отторжение ошибочных положений и теорий и часто сопряжен с критикой, с необходимостью отказа от прежних заблуждений, неверно занятых позиций. Возможны ли научные споры, полемика, дискуссии, бескомпромиссное отстаивание истины? В свою очередь, возможно ли человеку, воспитанному в уважении безусловной толерантности, при необходимости встать на защиту своих убеждений, принципов, наконец, Родины (пусть апологеты *безусловной* толерантности великодушно извинят этот высокий слог).

Как пишет В.А. Лекторский, бессмысленно говорить о толерантности в отношении истин и норм, которые могут быть «неоспоримо и убедительно для всех установлены и обоснованы»⁵. Действительно, если истина очевидна, отстаивать ее противоположность есть нетолерантность к здравому смыслу. Иначе говоря, толерантность возможна лишь в тех случаях, когда истина *не* может быть однозначно установлена, а потому путь поиска остается открыт. Но ведь тогда говорить о толерантности опять же не имеет смысла, ибо речь идет не о ней, не о возможности ее применения, а об обычном и нормальном в науке поиске и доказательстве. Быть толерантным к утверждению, что Волга впадает в Мраморное море, странно и бессмысленно (но можно терпимо отнестись к человеку, который по каким-то известным только ему причинам искренне так считает. Хотя можно просто предложить ему посмотреть на глобус). Таким образом, позиция толерантности возможна, когда истина неизвестна, норма не установлена, закон не писан. Тогда наличие разных позиций по одному и тому же вопросу не просто естественно, но и желательно, ибо возможен поиск безусловно лучшего или безусловно истинного, просмотр различных вариантов возможного решения проблемы. Но когда истина установлена, норма четко прописана, закон принят к исполнению, тогда толерантность к «вариантам» поведения будет нарушением. Так, сознательная толерантность к преступнику может быть истолкована как соучастие в преступлении.

Истина, норма, толерантность.

Как правило, оправдывая толерантность, ссылаются на общеизвестное в истории философии (исходящее от теоретиков классического либерализма) положение о том, что общество состоит из несовершенных людей, поэтому может существовать только при условии тотальной толерантности. При этом толерантность понимают как снисходительность к слабостям и порокам человека.

В связи со сказанным возникают всяческие ассоциации. Например, вспоминается утверждение английского психиатра У. Сарганта, утверждающего, что в будущем обществе завоевание и удержание власти над умами станет гораздо важнее развития самых мощных, самых совершенных систем оружия. Поэтому становится очень важно изучить работу мозга с тем, чтобы научиться оказывать эффективное психологическое воздействие на людей. О том же пишет в «Прекрасном новом мире» О. Хаксли, который утверждает, что можно заставить людей полюбить конформизм, рабство, диктатуру. Для этого надо смешать понятия (как прежде были смешаны языки при строительстве Вавилонской башни), дезориентировать относительно ценностей, лишить способности иметь собственное мнение и вообще быть личностью. Общество будет существовать как неразличимая однородная масса существующих рядом изолированных (установкой каждого), внеположенных объектов. Ввиду пестрого *бесценностного* контекста у людей не будет сформировано четких представлений или убеждений, и это позволит навязать им любое представление и любое правило, облегчающее управление ими.

Новый либерализм провозглашает: «все, что не запрещено, позволено». Это значит, что если нигде специально не написано, что запрещается, например, грызть стулья в зале консерватории, то тем самым это можно делать.

Иными словами, негласно подразумевается, что существуют некие бесспорные истины, общепринятые нормы, общечеловеческие заповеди, законы общежития, некоторые «аксиомы» поведения, которым люди неукоснительно следуют в рамках той или иной общности. Однако современное проведение позиции толерантности часто вызывает вопросы. Почему, например, ненормативная лексика, режущая слух нор-

мальному большинству, или демонстративное представление интимнейших сцен и образцов шокирующего поведения становится нормой в литературе и на телевидении? Почему толерантность к меньшинству в подобных случаях (а их немало) оборачивается вопиющей нетолерантностью по отношению к большинству (вполне добропорядочных в традиционном смысле граждан), представления и принципы которых разрешено свободно нарушать? А иногда это и вовсе оказывается вызовом здравому смыслу, когда нарушаются правила, соблюдаемые на уровне «интуитивных очевидностей».

Практика насаждения толерантности оборачивается терпимостью к злу, греху (тому, что издавна понималось как недопустимый способ поведения, проявления), лжи, несправедливости и т.п. С помощью продвижения толерантности можно пробить брешь в традиционной культуре, сместив все акценты и смешав ориентиры.

Часто оказывается, что под видом защиты толерантности идет процесс отказа от нормы как таковой. В самом деле, плохо, когда и если некая норма навязывается всем в качестве повсеместной и обязательной. Однако вовсе не лучше, если под видом, например, политкорректности и терпимости ко всякому иному навязывается чья-то (иногда конкретная) ненормальность в качестве той же обязательной «нормы» для всех.

В свое время введение института норм было большим культурным завоеванием человечества на пути его познания себя и все более глубокой самоидентификации. Культурно-человеческое значение нормы в том, что ее наличие и знание ее снимают экзистенциальное напряжение, ибо освобождают от каждодневного, ежесекундного неотступного и неизбежного (но часто избыточного) выбора. Соблюдение нормы дает человеку чувство причастности, общности с группой, которой может являться и все человечество в целом, оно повышает для человека значимость его собственного бытия, дает ощущение некоего метафизического бессмертия в роде.

Ныне же все чаще за образец принимается не норма, а именно отступление от нее. Всякая патология в современном культурном контексте возводится в объект интереса, подражания, в моду... Иногда при этом идут ссылки на

3. Фрейда, который говорил о репрессивности культуры. Но репрессивность ее — это по сути *рамки* культурных норм, конституирующих собственно человеческое в отличие от животного. Норма в данном случае есть *добровольное* принятие на себя определенных культурных ограничений (выполняющих *идентифицирующую* роль), соблюдение которых указывает на то, что человек принадлежит к человеческому роду.

Нормальный социализированный человек, как правило, не ощущает репрессивности культуры. Поскольку сама культура — это *парадигма нормативности человечества*, которое хочет быть и оставаться человеческим, вырабатывая для этого человечески общезначимые нормы, ценности, приоритеты в своем бытии и организации жизни. Ощущает норму как прессинг только гений (который весьма редок) или тот, кто склонен к патологии. При этом нарушители норм (как правило, не гении) сами хотели бы, чтобы другие следовали нормам неукоснительно.

Толерантность не может быть понимаема как отсутствие нормы или ее размытость; толерантность — это просто терпимость к не-норме, пока и если она не стала агрессивной, угрожающей чувству нормы большинства. Безусловно, существуют отступления от нормы, которые не только оправданы, но и субъективно обязательны, например, в языке искусства, в который художник вправе вносить свое, созданное лично им выразительное средство, выступающее особым, новым и непривычным для большинства аудитории способом повысить специфическую информативность художественного сообщения. Академик Л.В. Щерба в свое время очень тонко заметил, что только когда у человека воспитано чувство нормы, он способен понимать всю прелесть обоснованных отступлений от нее. Это значит, что законы, принципы, правила следует сначала освоить, прежде чем их нарушать; т.е. чувство нормы должно-таки быть воспитано и присутствовать как некая *точка отсчета* в восприятии и оценке даже необходимых отступлений от нормы. В то же время эти отступления должны быть обоснованными определенными соображениями и необходимыми, исходя из логики наиболее адекватного выражения. Такие отступления подчеркивают норму, а не размывают ее.

Ценность нормы в том, что она выступает в функции *идентификатора* ее носителя и в функции *регулятора* любой формы общественной жизни, будучи обусловлена неким соглашением. Толерантность к отступлению от норм возможна в сравнительно ограниченном диапазоне вокруг нормы, поскольку слишком большое отклонение от нее чревато сломом механизма идентичности, показателем которой она выступает. Не-норма, как мы наблюдаем, может стать не отступлением от нормы (которое должно быть обоснованным, по Щербе), но начинает претендовать на повсеместность и повсюдность, на то, чтобы самой стать нормой.

Изменение нормы, безусловно, происходит и должно происходить. Но в нормальном случае развивающегося изменения оно приводит к становлению новой нормы, адекватной новому контексту, а не выступает сломом *любой* нормативности. Мир не может терять определенность в смешении, однородности своих качеств; это ведет к торжеству энтропии, т.е. наступлению бескачественности бытия и в конечном счете его угасанию, растворению в хаосе и небытию.

Своеобразными нормами в культуре выступают некие фундаментальные инвариантные ядра культуры, отступление от которых — ради любой прекрасно понимаемой толерантности — могут представлять опасность для самого ее бытия. В то же время вариативность конкретных проявлений творческого поиска необходима и неизбежна: это поиск, столь же необходимый для развития культуры, как стабильность — для ее существования. Подлинная толерантность основана на понимании собственной идентичности, на отваге быть самоидентичным и готовым понимать и уважать идентичность другого.

Уже XX век показал точки роста новых проблем, которые в веке XXI могут получить интересное развитие. Так, в частности, одним из существеннейших явлений стало бурное оживление диалога между Востоком и Западом, ибо прежний европоцентризм культуры был поколеблен знакомством с культурой других цивилизаций и континентов. «Запад есть Запад, Восток есть Восток. И вместе им не сойтись», — эти известные слова Р. Киплинга, в свое время фиксировавшие безусловную реальность, начали утрачивать свою актуаль-

ность. «Уменьшение» мира с развитием транспортных средств и информационных сетей перевели проблему взаимоотношений Запада и Востока в иную плоскость. Оживившийся диалог культур стал особым способом достичь нового уровня целостности человеческой культуры... Но это и поставило проблему нового *масштаба* толерантности. «Толерантное», но неграмотное заимствование иного может привести к дискредитации заимствованных образцов, разочарованию в контактах и к противоположному результату.

Диалог культур как взаимодействие, как заинтересованное общение является глубоко познавательным явлением для обеих сторон. Одна культура как бы смотрится в другую и, познавая иную, лучше понимает себя, видит свою специфику, определяется с собственной идентичностью. Но диалог — творческая и требующая активности установка. Установка именно на обмен, а не на конформизм или же подавление другого. Диалог основывается на доверии, на восприятии партнера как равного — без снисходительности, но и без заискивания. Для того чтобы диалог был интересен сторонам, должен существовать взаимно интересный предмет общения — общие (и общезначимые) проблемы. Диалог невозможен без интереса к партнеру, и толерантность по сравнению с ним есть шаг назад как нейтральное равнодушие настроенных только на терпимость сторон. Но если толерантность не может сохранить исходную идентичность объекта, она должна уметь бесконфликтно вписать его в систему существующих отношений; последнее возможно двумя способами: путем безоговорочного приспособления и утраты самобытности одной из сторон или путем творческого встраивания во взаимодействие с налаживанием двусторонней связи и взаимонаправленного изменения.

Феномен идентичности означает наличие комплекса свойств и характеристик, объединяющих объект в систему, и способность к устойчивости, обусловленную передачей «по эстафете» свойств и качеств, уже прошедших проверку временем.

Когда терпимость к иному, иному выступает как опредмечивание поиска вариантов устойчивости, т.е. по сути сохранения себя в изменившихся обстоятельствах, тогда она

является основой сохранения гетерогенности общего контекста, сохранения и обогащения возможности выбора, возможности нового сочетания свойств для улучшения предмета или среды. В этом случае толерантность способна спасти от дурной бесконечности одинаковых, которым нечем обмениваться. Толерантность может означать потенциальную позицию принятия множественности, поливариантности, гетерогенности, выбора. В то же время полная утрата идентичности означала бы «согласие» на энтропию. И регулятором здесь, как уже говорилось выше, выступает понятие нормы, существующей многоуровнево: как родовая, видовая, социокультурная, групповая и т.д., и препятствующей тому, чтобы под видом уничтожения стереотипов разрушать наиболее устойчивые и значимые культурные образования, традиционные константы национального бытия, сознания и мышления, обеспечивающие единство жизни народа и его жизнеспособность.

Идентичность сама по себе есть нечто самоценное, не подлежащее отмене или торгу, гарантирующее сохранению в бытии и сохранению самого бытия, возможного только в качественной определенности всех его составляющих. Качественная неразделимость, всесмещение, Хаосмос постмодернистов — все это представляется тупиковым путем, бесперспективным с точки зрения развития как внесения упорядоченности, определенности, организации в пространство качественного многообразия, истинной вариативности. Толерантность между одинаковыми — бессмыслица, здесь не на чем строить даже безразличие. Толерантность имела бы смысл только как функция от разных переменных. Тем более что и сама она многолика.

Идентификация толерантности в глобализирующемся мире

XXI век становится веком объявленной толерантности как принципа существования человечества в глобализирующемся мире, который, по замыслу, должен был бы стать пространством *общечеловеческой* культуры. Станет ли мир пространством реализации человечески общезначимых идей, представлений, норм или превратится в однородное, единообразное царство гомогенного хаоса свойств и характерис-

тик, которые даже нельзя определить каким-то качеством или спецификой? Уже сегодня можно наблюдать деформации в национальных культурных организациях, в их естественном развитии в результате унифицирующего воздействия массовой культуры (своего рода «уникульта»), продвижение которой становится глобальной стратегией. Политкорректное слово толерантность, означающее внеположное и, по сути, равнодушное сосуществование «рядом», не предполагает взаимодействия, диалога, ведь в его ходе могут возникнуть вопросы и даже разногласия. Нет познания, нет сближения. Есть вежливое «терпение» другого без попытки наладить обмен смыслами. Нет взаимодействия, есть, по выражению В.А. Лекторского, «коллективный солипсизм».

Реальная общечеловеческая культура возникнет не из выравнивания культур под один общий стандарт в лукавой поликультуральности, а из бережного развития богатства всех национальных культур. Ведь также нет и полиидентичности, а есть размытая идентичность. И «нужно узнать особенности каждой нации... чтобы именно на этой почве с нею общаться... Поистине всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или целому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность к всечеловеческому»⁶. Ныне же национальные культуры все менее могут противостоять внешнему воздействию катка глобализационной стандартизации, поддерживаемой экономическим давлением. Старание сохранить самобытность оказывается в этих условиях иллюзией. Стремление национальных культур избежать деформации, унификации, защититься от атакующей культуры мирового гегемона — это стремление избежать подрыва национальной воли. Крайним выражением противостояния толерантности к чуждым нормам глобальной культуры становится возрождение и усиление фундаментализма.

Конечно, нельзя допустить гибели человеческой цивилизации от столкновения нетерпимого друг к другу разного, от столкновения разных цивилизаций, вплоть до вооруженного конфликта. Диалог (или полилог), безусловно, лучше. Однако, с другой стороны, какой диалог (обмен чем?

какой информацией?) может быть между *одинаковыми*? Такой диалог не нужен, да и, как уже говорилось выше, невозможен: у него нет ни смысла, ни перспективы. Поэтому отнюдь не лучше гибели от столкновения окажется и тихая гибель от угасания в энтропии бескачественности бытия. Следовательно, нужно научиться не просто терпеть друг друга, но и уметь взаимодействовать при взаимной пользе.

У нас перед глазами все больше примеров того, как некритическое понимание толерантности и следование ему ведет к размыванию определенности бытия, его качественной организации (структурного порядка, ценностной иерархии и т.д.). Но каким образом, отказываясь от безмерной толерантности, в то же время избежать конфликтов? Ведь, с одной стороны, безоговорочный уход от конфликта подрывает и самоидентификацию, и систему собственных морально-этических представлений о мире и о себе, и способность к осознанному и разумному выбору. С другой же стороны, человек как сознательное и разумное существо всегда способен к разрешению реальных и потенциальных конфликтов, а также к самому их предотвращению, если обладает четкой позицией, пониманием собственных интересов и границ возможной толерантности. Как пишет в статье «Творческий человек» Э. Фромм, «досужее мнение о том, что конфликтов следует избегать, поскольку они вредны, глубоко ошибочно. Конфликты — это источник стремления человека к самосовершенствованию, развития его сил и основа становления характера. Человек, избегающий конфликтов, уподобляется хорошо отлаженному механизму, в котором моментально приглушается любой эмоциональный порыв, или машине, автоматически упорядочивающей все чувства и побуждения»⁷.

Интересна мысль Фромма и о том, что творческий человек (а Фромм высоко оценивал творческий аспект личности) не может отрицать конфликты или относиться к ним поверхностно, руководствуясь принципом «все что ни делается — к лучшему». Подобный нетворческий человек будет игнорировать не только конфликты, но и существование противоречивых устремлений в собственном характере, в то время как существуют некие судьбоносные конфликты, ко-

торые коренятся в самой природе человека и которые он непременно должен разрешить, чтобы развиваться.

Психологически интересным представляется и вопрос о том, почему в большинстве случаев люди довольно терпимо относятся к толерантности, когда она выступает средством **унификации** на более **низком** уровне, или когда целью использования механизма терпимости становится привыкание к аномалии. Но им гораздо реже нравится, когда им в качестве образца предлагается хотя бы норма: здесь им видится предъявление к ним каких-то повышенных требований, посягательство на их свободу, индивидуальность и т.п. Хотя норма разная и своя для каждого конкретного круга явлений, но она-таки является собирающе-центрирующей в определенных пределах. Патологий же всегда больше, и аномалия есть всеохватывающе-периферийное состояние, распространяемое на все случаи. Только беспорядок поддерживается сам собой. Для поддержания порядка требуются усилия.

Для понимания современного контекста важно проследить связь между толерантностью и релятивизмом. Несбалансированность, с одной стороны, и исключение несомненных экзистенциальных и ценностных референтов (постоянных интересов, традиционных норм) — с другой. Сюда же можно отнести своего рода «интертекстуальность» как самой жизни, так и способов ее понимания и принятия. Несбалансированность в культуре, отход от старых представлений и неопределенность в отношении необходимости и ценности новых, трудности с идентификацией — тем более что изменения ныне совершаются в небывало быстром темпе, — порождают психологию тотального релятивизма, чреватую формированием не критической толерантности (равнодушия) к чему угодно. Ведь все одинаково неопределенно, неразлично, непостоянно, не «свое», не установилось или не успело прижиться (и осмыслиться); представления смещены вследствие массированного провоцирования, вызывания отклоненных переживаний и образов; реальность непознаваемо мозаична и вызывает внутреннее отторжение. Все представляется (или оказывается) ненужным, бесполезным, неуместным, напрасным. Тогда зачем «держат позитивное усилие»? Зачем сопротивляться? Че-

ловек подсознательно ищет некой гармонии: и гармонию с абсурдом образует абсурдное, бессмысленное отклонение от кажущейся никому не нужной нормы. Неприятие, протест против реальности порождает уход от нее в иррациональное, архаическое, в раскрепощение аномального. Общий контекст смещения и неразличения, растворения культурной идентичности в общей пост-культуре вдохновляется лозунгами постмодернистов, программно отказывающихся от всяческих фундаментальных дихотомий, вводящих качественную определенность вещей и состояний.

В целом некритичная и неидентифицированная в себе толерантность способна реально ухудшить качество мышления, заставляя людей отказываться от самого понятия о незыблемых принципах и нормах и провозглашая невероятную гибкость, соответствующую сиюминутной конъюнктуре. Представление о мире распадается не просто на множество картин мира, но множество моральных систем, когда то, что в одной из них является злом и пороком, в другой предстает не только допустимым, но даже и привлекательным. В самом бытии исчезает определенность, и существующие инварианты бытия — постоянные и устойчивые представления и принципы (вроде заповедей), бывшие непересматриваемыми в культурном существовании общества и составлявшие ядро его сознания, вдруг оказываются подвержены переосмыслению и переоценке.

Идентичность в социальном смысле образуется единством экономического, политико-правового, информационно-образовательного пространств, когда существует единое (и специфически выстроенное согласно среде и условиям) хозяйство, единство власти и законов, единство образовательных стандартов, обеспечивающих единство жизни и возможность взаимопонимания населения на всем пространстве и времени существования данного социума. В этом плане подобная коллективная идентичность представляет несомненную ценность. Но что сделала, например, в нашей стране некритичная политика применения толерантности к разным моделям в образовании, к «вариативным» учебникам? Она в результате привела к своеобразному распадению единства населения страны: между разными поколе-

ниями по вертикали и внутри одного поколения по горизонтали. Образование в нашей стране всегда объединяло общество по горизонтали — единством учебников (отобранных по конкурсу) и требований к образовательному процессу, его содержанию и критериям на всей территории. И по вертикали: единством модели образовательной системы, преемственностью норм, методик, программ. Желание быть толерантными должно было бы сопровождаться способностью соотнести свои притязания с действительной необходимостью, со стремлением сохранить идентичность системы образования, считавшейся одной из лучших в мире. В конце концов, традиционность означает не консерватизм, а живую преемственность.

Однако, когда мы изменяемся, до какого предела возможно изменение, чтобы мы не перестали быть самими собой? Где границы терпимости, перейдя которые она становится внеположенным безразличием? Где начинается размытие своеобразия в готовности принимать чужие установки и следовать им? Не превращается ли толерантность без берегов — в аморализм? Не становится ли толерантность угрозой свободе — свободе быть самим собой? Иными словами, есть толерантность, но есть и принципы, убеждения, нормы, и их (этой категории) никто не отменял. В конечном счете, разрушать норму значит выступать против ответственности.

Поскольку мир глобализуется, и не всегда на добровольных началах, проблема толерантности обещает быть актуальной долго. Поэтому представляется необходимым обозначить в этой области четкие методологические позиции, позволяющие:

1) отделить или хотя бы разграничить следующие понятия: толерантность и согласие; толерантность и безразличие; толерантность и конформизм; толерантность и конъюнктурность; толерантность и вседозволенность; толерантность и унификация; толерантность и релятивизм;

2) отделить само явление толерантности от его носителя (или представителя) с дифференциацией отношения к ним. Против самого явления можно занять и непримиримую позицию, если сущность его враждебна природе человека, культуре, перспективе жизни человеческого рода.

Сущность подобного явления может быть подвергнута самому детальному анализу и самой суровой критике, если она представляется неприемлемой. Что же касается носителя данного явления, то к нему действительно применима толерантная позиция.

Какая-либо форма насилия неприемлема и в отношении отклоненной личности. Но ведь в той же мере должна быть неприемлема и пропаганда этого отклонения, ибо пропаганда обращена к другим, столь же свободным личностям, в отношении которых давление недопустимо. В этом плане большинство рекламы является давлением, однако к рекламе мы вынуждены относиться толерантно. Иными словами, термин «толерантность» обладает несомненной двусмысленностью; с его помощью можно усмирить порыв к самобытности и совершенству, исключительности и героизму, зато поощрить девальвацию нормы и развитие девиантного.

Современное массовое общество со всей присущей ему толерантностью требует одинаковости одномерных людей. Чтобы сохранить свою жизнь как историческое бытие и присутствие в мире, существует только один путь — путь устойчивой идентичности, которая, как пишет А.С. Панарин, обеспечивает преемственность бытия и придает жизни характер кумулятивного процесса, способного наращивать свои результаты. Это и позволяет не начинать каждому поколению с нуля и заканчивать как нулевое, ничего не завещающее потомкам⁸. Представляется, что в подобной парадигме творческая позиция предпочтительнее толерантной.

Примечания

¹ *Монтень М.* Опыты. В 3 кн. Кн.3. М., 1979. С.37.

² См.: *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 284.

³ *Монтень М.* Цит. соч. С. 36.

⁴ *Панарин А.С.* Народ без элиты. М., 2006. С. 233.

⁵ *Лекторский В.А.* Цит. соч. С. 286.

⁶ *Гете.* Собр. соч. Т. X. М., 1935. С. 703.

⁷ *Фромм Э.* Кризис психоанализа. Дзэн-буддизм и психоанализ. М., 2004. С. 280.

⁸ См.: *Панарин А.С.* Смысл истории // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 9.